

БЕЛИНСКИЙ О ПУШКИНЕ

Статья Б. Мейлаха

Глубоко потрясенный вестью о гибели Пушкина, Белинский писал Краевскому 4 февраля 1837 г.:

«Бедный Пушкин! Вот чем кончилось его поприще! Смерть Ленского в „Онегине“ была пророчеством... Как не хотелось верить, что он ранен смертельно, но „Пчела“ уверила всех. Один истинный поэт был на Руси, и тот не совершил вполне своего призвания. Худо понимали его при жизни, поймут ли теперь?» («Письма», I, 70).

Из этих строк можно заключить, что причину гибели Пушкина Белинский знал тогда в ее официальной версии, т. е. как финал драмы ревности (отсюда аналогия между Пушкиным и Ленским). Белинский, как известно, жил тогда в Москве и не был осведомлен об истинных обстоятельствах гибели поэта. И в других откликах Белинского на это трагическое событие обычно усматривается известное восприятие официальной версии, которая вскоре была закреплена опубликованием высочайшего приказа о высылке Дантеса из России за то, что он «дерзким поступком с женой камер-юнкера Пушкина вынудил последнего написать обидное письмо отцу и ему, и он за это вызвал Пушкина на дуэль» («Северная пчела», 1837, № 8, 31 марта). Касаться общественно-политической стороны этой трагедии и даже самой личности поэта, в связи с его смертью, современная печать не могла. Полному искажению реальной картины последних дней Пушкина способствовало письмо Жуковского С. Л. Пушкину, создавшее легенду о примирении поэта с Николаем I. Об этом документе Белинский в 1838 г. писал в «Литературной хронике».

Подлинная история гибели Пушкина, роль светских и придворных кругов в подготовке дуэли — все это было выяснено в науке много десятилетий спустя. Не мог знать Белинский и тех фактов биографии Пушкина 30-х годов, которые свидетельствуют о гораздо большей близости поэта новому поколению, чем полагал великий критик. Не были известны тогда и факты, характеризующие все более нараставшую враждебность Пушкина к николаевской действительности. Все это надо учитывать, говоря о тех оценках Белинским Пушкина, которые теперь опровергаются фактами (как, например, замечание Белинского в зальцбруннском письме к Гоголю о падении популярности Пушкина вследствие того, что поэт надел камер-юнкерскую ливрею).

Для современников Пушкина личность его была во многом загадочной, исполненной непримиримых противоречий. Белинский сам осознавал эту загадочность и неясность пушкинского облика как препятствие для характеристики поэта. В 1840 г. Белинский, имея в виду всю сложность постижения Пушкина, пишет Аксакову: «Пушкин всего поглотил меня», но признается: «чем более узнаю <его>, тем более не надеюсь узнать» («Письма», I, 24). А в первой статье о Пушкине (1843) Белинский с присущей ему откровенностью писал: «Чуждые ложного стыда — не побоямся сказать, что одною из главных причин, почему не могли мы ранее выполнить своего обещания нашим читателям, касательно разбора сочи-

нений Пушкина, было сознание неясности и неопределенности собственного нашего понятия о значении этого поэта!»

Ко времени работы над статьями о Пушкине (1843—1846) многие вопросы мировоззрения поэта стали для Белинского яснее. С исключительной, для своего времени, глубиной Белинский раскрыл в этих знаменитых статьях значение Пушкина как великого национального гения, родоначальника новой русской литературы, охарактеризовал особенности его реализма, показал непреходящую роль пушкинского творчества для передовой России.

Изучение высказываний Белинского о творчестве Пушкина показывает, что переломным моментом в его оценках поэта явился 1837 год. Эволюция мировоззрения самого Белинского, а также демонстрация всенародного гнева в связи с убийством Пушкина, которая нашла свое выражение в стихотворении Лермонтова «На смерть поэта», обусловили коренные изменения во взглядах критика на Пушкина. В письме к М. А. Бакунину от 16 августа 1837 г. Белинский писал: «Пушкин предстал мне в новом свете, как будто я его прочел в первый раз» («Письма», I, 126). В письме к нему же от 1 ноября 1837 г. Белинский сообщает: «Скоро примусь за статью о Пушкине. Это должно быть лучшею моею критическою статьею» (там же, 138). В других письмах 1837—1841 гг. Белинский неоднократно высказывает свое восхищение гением Пушкина, отвергает сопоставления его с Шиллером и Гете, утверждая при этом превосходство Пушкина над ними, называет Пушкина «русским Атлантом». Восприятие Белинским пушкинского творчества достигает, судя по письмам, исключительной остроты и напряжения. В 1839 г. он пишет Панаеву: «Пушкин меня с ума сводит. Какой великий гений, какая поэтическая натура» (там же, 335). А в письме к К. С. Аксакову в 1840 г. с необычайной силой подчеркивает значение поэта для современности: «Пушкин... выразил и исчерпал собою всю глубину русской жизни...»; в раны Пушкина, продолжает он, «мы можем вложить персты, чтобы чувствовать боль своих и врачевать ее <русскую жизнь>» («Письма», II, 137). По-новому осмысляет Белинский и судьбу Пушкина: «...Пушкин жил в ниществе и погиб жертвой подлости, — пишет он Боткину в декабре 1840 г., — а Гречи и Булгарины заправляют всею литературою помощью д о н о с о в и живут припеваючи» («Письма», II, 187). В статьях и заметках, печатавшихся в эти годы, Белинский неоднократно упоминает о «страдальческой кончине», «безвременном конце», «недоконченной жизни» Пушкина. Он встает на защиту поэта, опровергая клеветнические измышления Булгарина и Греча, выступая против тех, кто стремился «поколебать треножник, на котором горит пламя поэзии великого национального поэта» (слова Белинского в статье 1838 г. о IX, X и XI томах сочинений Пушкина).

Белинский отходит, хотя и не без внутренней борьбы, от своих прежних мнений о том, что «„Борис Годунов“ был последним великим подвигом» Пушкина, что пушкинский период оказался кратковременным и что творчество поэта не отвечает требованиям времени («Литературные мечтания»). Пушкин постепенно осознается Белинским как наиболее полный выразитель своей эпохи, как поэт глубоко идейный и как воспитатель народа. Правда, Белинский и в позднейших статьях, например 1844 г., допускает утверждения о том, что Пушкин не «гордый, неукротимый дух», а «соверцательная личность», что он не «поэтический трибун» и «в тридцать лет распрощался с тревогами своей кипучей юности не только в стихах, но и на деле». Эти высказывания можно объяснить, с одной стороны, теми задачами борьбы за новый тип революционного поэта-демократа, которые стояли перед Белинским, а с другой — незнакомством его с теми фактами биографии Пушкина, которые стали достоянием рус-

ского общества лишь много лет спустя. Но характерно все же, что в заключение цикла своих статей о Пушкине Белинский вносит серьезный корректив в приведенную выше оценку личности поэта: «Несмотря на его пылкость, способную доходить до крайности, при характере сильном и мощном, в нем было много детски-кроткого, мягкого и нежного».

Полное раскрытие темы «Белинский и Пушкин» требует монографического исследования большого объема. Здесь мы хотим лишь указать на сложность этой темы и актуальность ее как для понимания роли пушкинского творчества в развитии самого Белинского, так и для раскрытия зачастую еще не расшифрованных или не комментированных оценок поэта великим критиком. В связи с этим мы хотим остановиться на интереснейшей попытке Белинского провести через цензуру свою оценку гибели Пушкина, попытку, неучтенную ни в пушкиниане, ни в обзорах на тему «Пушкин и Белинский».

В 1841 г. в «Отечественных записках» (т. XV, № 3) была напечатана статья Белинского «Собрание стихотворений Ивана Козлова». В начале статьи содержится следующее рассуждение о русской литературе и понесенных ею утратах:

«Двадцатые года текущего века ознаменовались сильным движением в нашей литературе: явился Пушкин с дружиною молодых, замечательных талантов,— и вот мы, вскормленные и взлелеянные их звуками, не прошли, может быть, еще и половины дороги своей жизни, а уже нет и Пушкина, нет и многих из его сподвижников! Итак, мы детьми встретили новый и самый цветущий период нашей литературы, и юношами проводили его до могилы... А сколько утрат понесла наша литература в лице

СОВРЕМЕНИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.

1836.

ПЕРВЫЙ ТОМ ЖУРНАЛА ПУШКИНА
«СОВРЕМЕНИКЪ»

Экземпляр из библиотеки Белинского
Музей И. С. Тургенева, Орел

ее представителей, похищенных смертью, большею частию безвременною! Четвертое десятилетие текущего века было особенно траурною годиною для нашей литературы: Мерзляков, Гнедич, Дельвиг, Пушкин, Полежаев, Марлинский, Дмитриев, Давыдов умерли в продолжении каких-нибудь десяти лет. За исключением Дмитриева, умершего в полноте лет, вполне совершившего свое призвание, другие умерли, еще не сделав всего, что можно было ожидать от их дарований, как напр. Мерзляков и Гнедич; Марлинский умер рано для своих многочисленных почитателей, но в самую пору, чтоб не видеть падения своей славы; остальные слишком рано умерли и для себя и для публики... И между ними, *он*, который один мог составить эпоху во всякой литературе; *он*, еще только вполне созревший для великих созданий, хотя уже и много создавший великого и бессмертного... Увы!

Сколько бодрых жизнь поблекла!
Сколько низких рок шадит!..
Нет великого Патрокла;
Жив презрительный Терсит.

.....
Мир тебе во тьме Эревал
Жизнь твою не враг пожал:
Ты своею силой пал,
Жертва гибельного гнева!

.....
Слава дней твоих нетленна;
В песнях будет цвезть она:
Жизнь живущих неверна,
Жизнь отживших неизменна!»

(VI, 144—145)

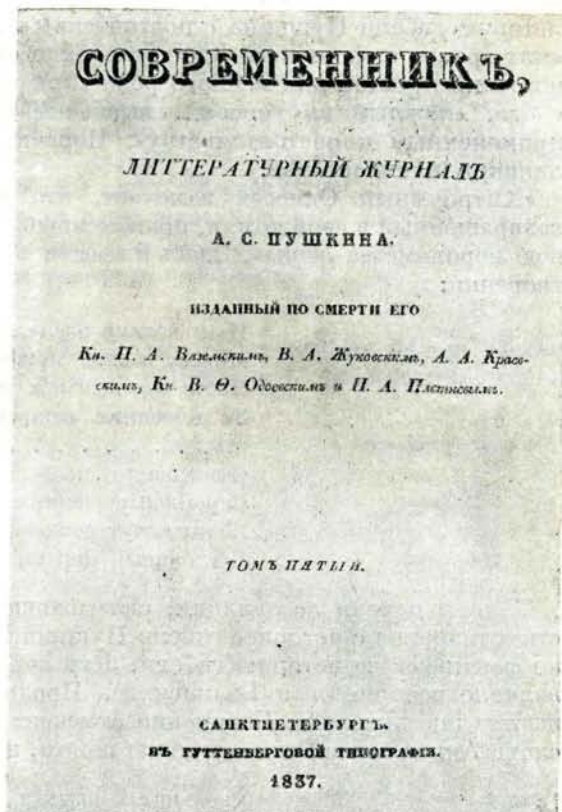
На этом интересующий нас отрывок заканчивается (далее Белинский переходит к характеристике Козлова). Автора цитированных стихов Белинский не указал. Это были искусно смонтированные и исключительно удачно примененные к случаю строфы из стихотворения Жуковского «Торжество победителей» (из Шиллера).

Кто же был тот писатель, которого Белинский многозначительно, но анонимно выделил курсивным «*он*»? С. А. Венгеров в примечаниях к VI тому сочинений Белинского коротко, без всяких мотивировок и комментариев заявляет: «Конечно, Пушкин» (VI, 575). На первый взгляд это указание кажется сомнительным, ибо Белинский в той же статье, несколько выше, говоря о безвременных утратах русской литературы, упоминает имя Пушкина без всяких иносказаний. И все же несомненно, что слова о писателе, который «один мог составить эпоху во всякой литературе», «еще только вполне созревший для великих созданий, хотя уже и много создавший великого и бессмертного», — могли относиться или к Пушкину или к Лермонтову. Но статья писалась до смерти Лермонтова (цензурное разрешение номера «Отечественных записок» — 28 февраля 1841 г.); следовательно, цитированный отрывок должен быть отнесен к Пушкину.

До сих пор в литературе не поднимался вопрос о смысле этого отрывка, да и сам он остался как бы вне поля зрения исследователей. Между тем он имеет принципиальное значение. В иносказательной форме, Белинский, тонко используя строфы из стихотворения Жуковского «Торжество победителей», выразил (в подцензурной печати!) негодование и возмущение по поводу убийства Пушкина — «великого Патрокла», свое вос-

ПЯТЫЙ ТОМ ЖУРНАЛА ПУШКИНА «СОВРЕМЕНИКЪ», ИЗДАННЫЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ ПОЭТА

Экземпляр из библиотеки Белинского
Музей И. С. Тургенева, Орел



хищение героической личностью поэта, одержавшего моральную победу над врагом («Жизнь твою не враг пожал»), и, наконец, свою уверенность в нетленности славы поэта. Можно с полной уверенностью сказать, что так о Пушкине в подцензурной печати было сказано впервые. При этом следует подчеркнуть, что в той же статье Белинский писал, что Пушкин «с дружиною молодых замечательных талантов» воспитал новое поколение (говоря «мы, вскормленные и взлелеянные их звуками», — Белинский, следовательно, имел в виду и себя). Все это знаменовало собою полный перелом в тех оценках Белинским Пушкина, которые были известны читателям не только по статье «Литературные мечтания», но и по более поздним высказываниям критика (выше мы коснулись, по необходимости бегло, подготовки этого перелома во взглядах Белинского). Следовательно, трудно переоценить суждение о Пушкине, высказанное в цитированной выше статье о Козлове, тем более, что в такой категорической форме оно осталось у Белинского единственным.

Для того, чтобы в полной мере раскрыть особенности этой оценки Белинским Пушкина, необходимо напомнить об особенностях истолкования критиком стихотворения, образами которого он воспользовался.

В балладе Шиллера «Торжество победителей» (переведенной Жуковским в 1828 г.) Белинскому были дороги мотивы гражданской доблести и героического бесстрашия. Именно в этом аспекте Белинский характеризовал стихотворение позже, во второй статье о Пушкине. «Эта пьеса, — писал критик, — есть апофеоза всей жизни, всего духа Греции: эта пьеса — вместе и поэтическая тризна и победная песнь в честь отечества богов и героев». Детальный разбор этого стихотворения Белинским раскрывает для нас весь путь ассоциаций, которые связывали в его сознании

историю гибели Пушкина с поэтическим повествованием о битве героических греков с троянцами. Стихотворение «Торжество победителей» давало широкий простор для всякого рода «применений», ибо, по словам Белинского, «каждый из героев... высказывается каким-нибудь суждением, примененным к обстоятельству». Перечисление этих высказываний Белинский начинает так:

«Хитроумный Одиссей замечает, что не всякий насладится миром, возвращенный в свой дом, и, пощаженный богом войны, часто падает жертвою вероломства жены». Здесь имеются в виду следующие строки стихотворения:

И не всякий насладится
Миром, в свой пришедши дом:
Часто злобный ков таится
За домашним алтарем;
.....
Счастлив тот, чей дом украшен
Скромной верностью жены!
Жены алчут новизны;
Постоянный мир им страшен.

Такова первая ассоциация, связывавшая в сознании Белинского это стихотворение с историей гибели Пушкина (нужно иметь в виду, конечно, не фактическую историю гибели, а ту версию о драме ревности, которую вначале воспринял и Белинский). Продолжая далее свой разбор «Торжества победителей», Белинский отмечает как «особенно замечательные» слова Аякса, сына Ойлея, и, в частности, цитирует строки:

Сколько бодрых жизнь поблекла!
Сколько низких рок шадит!..
Нет великого Патрокла;
Жив презрительный Терсит.

Цитирует Белинский здесь и последнее четверостишие из стихов, относящихся к гибели второго Аякса, сына Теламона, храбрейшего из греков после Ахилла:

Лучших бой похитил ярый!
Вечно памятен нам будь,
Ты, мой брат, ты, под удары
Подставлявший твердо грудь,
Ты, который нас, пожаром
Осажденных, защитил...
Но коварнейшему даром
Щит и меч Ахиллов был.
Мир тебе во тьме Эрева!
Жизнь твою не враг пожал:
Ты своею силой пал,
Жертва гибельного гнева!

И, наконец, отметим слова Белинского о величайшем из героев, сражавшихся под Троей, Ахилле:

«Воспоминание об Ахилле дышит всею полнотою греческого созерцания героизма.

О Ахилл! О мой родитель!
(Вовгласил Неоптолем)

Быстрый мира посетитель,
 Жребий лучший взял ты в нем,
Жить в любви племен делами —
 Благо первое земли;
 Будем славны именами
 И сокрытые в пыли!

Слава дней твоих нетленна;
 В песнях будет цвести она:
Жизнь живущих неверна,
*Жизнь отживших неизменна!»**

Вернемся теперь к тем строфам «Торжества победителей», которые были применены Белинским непосредственно к Пушкину. Белинский выбрал



УГОЛ НЕВСКОГО И НАБЕРЕЖНОЙ ФОНТАНКИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Рисунок неизвестного художника, 1840-е гг.

«...Гоголь... спрашивает меня, как мне понравился Петербург. Невский проспект — чудо, так что перенес бы его, да Неву, да несколько человек в Москву» (из письма Белинского к В. П. Боткину от 22 ноября 1839 г.)

Исторический музей, Москва

из стихотворения и соединил через многоточия именно те строфы, которые могли быть применены к Пушкину без всяких натяжек. В результате, три строфы, имеющие в «Торжестве победителей» разные мотивировки (первая говорит о Патрокле, следующая — о втором Аяксе и третья — об Ахилле), будучи соединены Белинским, составили как бы самостоятельное стихотворение, отнесенное к гибели Пушкина (см. выше). Слова из первой строфы «Жив презрительный Терсит!» в примененном Белинским контексте давали читателям повод для очень определенных заключений по отношению к врагам поэта.

Как оценка героической жизни Пушкина звучал стих из второй строфы: «Жизнь твою не враг пожал...» Значение такой оценки было тем более

* Курсив Белинского.—В. М.

важно, что вскоре после смерти Пушкина реакционные круги всячески стремились развенчать поэта и окружить имя Дантеса романтическим ореолом. И, наконец, как признание вечности славы поэта воспринималась третья строфа: «Слава дней твоих нетленна...» (оказавшаяся созвучной опубликованному вскоре стихотворению Пушкина «Памятник»).

Соотнесенность мотивов стихотворения «Торжество победителей» с историей гибели Пушкина прочно закрепилась в сознании Белинского. Через пять лет после статьи о сочинениях Козлова, в одиннадцатой статье о Пушкине (1846), Белинский повторил свою аналогию.

Таково содержание этой оценки Белинским героической личности и трагической судьбы Пушкина, оценки, которая должна занять свое место в своде суждений великого критика о великом поэте.

Следует отметить, что использование Белинским образов античной мифологии для характеристики героизма личности Пушкина явилось прямым продолжением декабристской традиции в трактовке античности. Сходство в интерпретации здесь несомненно: достаточно вспомнить античные мотивы и образы в политической лирике декабристов. Но имеется и прямое доказательство этой объективной исторической связи. В 1837 г. ссыльный декабрист Кюхельбекер написал стихотворение «19 октября» (вписано в дневник), посвященное лицейской годовщине, в котором вспоминает героический образ Ахилла и говорит о гибели Пушкина в таких же скорбных интонациях, какие звучали затем у Белинского:

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
 Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
 В середине поприща побед и славы,
 Исполненный несокрушенных сил!
 Блажен! Лицо его, всегда младое,
 Сиянием бессмертия горя,
 Блестит, как солнце вечно золотое,
 Как первая эдемская заря.

А я один среди чуждых мне людей
 Стою в ночи, беспомощный и хилый,
 Над страшной всех надежд моих могилой,
 Над мрачным гробом всех моих друзей.
 В тот гроб бездонный молнией сраженный,
 Последний пал родимый мне поэт...
 И вот опять Лицея день священный;
 Но уж и Пушкина, меж вами нет.
 Не принесет он новых песен вам,
 И с них не затрепещут перси ваши...

⟨Впервые посмертно: «Отеч. зап.», 1861, т. СХХХІХ, стр. 40⟩

Так сошлись в своей скорби о гибели Пушкина представители двух поколений революционного движения.